

УДК 94(47).084.6

Самсоненко Татьяна Александровна

Старики и старость в колхозной повседневности 1930-х гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья)

Аннотация

В статье раскрывается малоизученная в российской историографии проблема социально-экономических условий жизни пожилых и престарелых колхозников на историческом этапе осуществления коллективизации. На материалах Юга России анализируются вопросы социальной поддержки старших поколений колхозной деревни, выделения денежных и натуральных пособий, организации специализированных социальных учреждений и обеспечения их эффективного функционирования.

Ключевые слова

Денежные пособия, дом престарелых колхозников, кассы общественной взаимопомощи колхозников, койко-место, натуральные пособия, подсобные хозяйства, пожилые и престарелые колхозники, социальная поддержка.

Одним из результатов осуществленной в конце 1920-х – 1930-х гг. сплошной форсированной коллективизации стало конструирование системы социальной помощи сельскому населению, представленной кассами общественной взаимопомощи колхозников (КОВК), а также непосредственно колхозами. Создание в коллективизированной деревне учреждений социальной

помощи представляло собой один из позитивных итогов «колхозного строительства», примирявших сельских жителей с коллективными хозяйствами. Вместе с тем, функционирование социальных учреждений в деревне отличалось существенной спецификой, порождавшей неоднозначное отношение крестьянства к такого рода учреждениям и ко всей колхозной системе.

Без учета особенностей организации и функционирования сельских социальных учреждений невозможно составить полное представление о жизнедеятельности колхозного социума 1930-х гг. Однако данная тематика нашла весьма фрагментарное отражение в историографии¹, что актуализирует задачу дальнейших научных исследований в данном направлении. В рамках данной публикации нами предпринята попытка осветить один из наименее из-

ученных аспектов указанной тематики, каковым является социальная помощь и поддержка престарелых колхозников.

Конституция 1936 г. закрепляла за гражданами Советского Союза право «на материальное обеспечение в старости»² (ст. 120). Однако, как далее разъяснялось в той же статье, право на государственное обеспечение имели лишь те престарелые члены советского общества, которые причислялись к рабочим и служащим. О престарелых колхозниках Основной закон СССР деликатно умалчивал. Это никоим образом не являлось случайностью или упущением законодателя, ибо колхозники преклонных лет не входили в круг лиц, находившихся на государственном пенсионном обеспечении.

Задачи социальной поддержки стариков-колхозников (так же, как и других попавших в нужду членов коллективных хозяйств) возлагались на кассы общественной взаимопомощи колхозников и на колхозы. Но, прежде чем рассматривать указанное направление деятельности КОВК, следует подчеркнуть его изначальную ограниченность. Дело в том, что советское

1 Среди наиболее заметных работ по проблеме социальной помощи в колхозной деревне 1930-х гг. можно указать такие, как: Лысиков Е.А. История развития крестьянской взаимопомощи: Лекции для низовых работников касс взаимопомощи в колхозах. – М., 1934; 50 лет советского социального обеспечения. Сб. статей. – М.: Наука, 1968. – 177 с.; Григорьев В.С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921 – 1941 гг.): Дис... докт. ист. наук. – М., 1997; Еферица Т.В. Факторы социальных рисков и модели социальной поддержки крестьянства (вторая половина XIX – конец XX вв.): Дис... докт. ист. наук. – Саранск, 2004; Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. Сб. статей / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. – 432 с.; Романов П.В. «Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд». Советская социальная политика, 1920 – 1940-е гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940 х гг. Сб. науч. статей / Ред.-сост. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д., 2009. – С. 43–59.

2 Конституция (Основной закон) Союза советских социалистических республик // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. 1936. – Вып. 23. – С. 691.

законодательство не просто выводило престарелых колхозников за пределы государственного пенсионного обеспечения. В законодательстве также не были определены четкие возрастные границы, по достижении которых тот или иной колхозник считался пенсионером и передавался на попечение работников КОВК и правлений коллективных хозяйств. Другими словами, в рамках колхозного социума не существовало понятия «пенсионный возраст», что создавало основу для максимально длительного использования труда стариков в коллективных хозяйствах. Даже в начале 1940-х гг., когда колхозная система значительно окрепла в организационно-хозяйственном отношении, в специальной литературе и прессе указывалось: «некоторые кассы взаимопомощи придерживаются обыкновения, как только исполнилось старику 60–65 лет, механически относить его к категории не могущих работать и ему оказывать материальную помощь. Такой механический подход неправилен» и, более того, «он вреден, так как порождает иждивенчество и тем самым отрицательно сказывается на производительности труда в колхозе»³.

3 Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. – 1941. – № 2. – С. 9.

Следствием подобного подхода к социальному обеспечению пожилых и престарелых членов коллективных хозяйств (дискриминационного по сути своей) являлось использование их на колхозных работах до последней возможности. Справедливости ради надо сказать, что и сами постаревшие крестьяне не очень-то стремились перестать работать и повиснуть обузой на шее своих родственников или КОВК. Мотивы такого поведения заключались, отнюдь, не только в стремлении подзаработать как можно больше средств, чтобы иметь безбедную старость (тем более что колхозные руководители иной раз с пренебрежением относились к пожилым колхозникам, не в полной мере оплачивали выработанные ими трудодни или же вовсе ничего не платили).

На наш взгляд, по сравнению с материальными интересами, более важным фактором временного продления занятости стариков выступали особенности крестьянской ментальности. Нередко старики расценивали попытки колхозных правлений отстранить их от работы под предлогом немощи и преклонных лет как большую личную обиду. В данном случае сказывалась психология земледельца, формировавшаяся под мощнейшим воздействием специфического кре-

стьянского уклада, в котором труд на земле представлял собой не просто работу, но и сам образ сельской жизни.

О том, с каким негодованием старики реагировали на решения колхозного начальства отстранить их от работы, повествовал И.И. Катаев, перу которого принадлежит целый ряд сделанных с натуры очерков (практически журналистских корреспонденций) о ходе коллективизации на Юге России. В одном из таких очерков И.И. Катаев писал, как к Сметанину, председателю колхоза «Октябрь» кубанской станицы Выселки, пришел старик «в длинном, до пят, раскосмаченном кожаном, в шапке смутного вида», и обратился с просьбой дать ему работу. Старичок жаловался, что бригадиры и члены станичного совета ему в этом отказывают, так что надежда у него только на председателя: «говорят – старый. – В голосе старичка обида и презрение. – Говорят – тебе бесплатное обеспечение положено, как ты колхозник и при тебе сиротствующие внуки. В Совете то же самое – годами попрекают, ... нет, говорят, такого права – старикам в колхозе работать ... А я без работы не жил. Я полезный. Меня куда хочешь ставь, я везде осилю»⁴.

4 Катаев И.И. Хлеб и мысль. Повести, рассказы, очерки. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 174, 176.

Распространенное нежелание пожилых и престарелых колхозников отказываться от работы, от нелегкого крестьянского труда на земле облегчало колхозной администрации задачу удержания их в сфере аграрного производства (хотя, как явствует из вышеизложенных материалов, при условии наличия необходимых рабочих рук председатели и бригадиры коллективных хозяйств не очень-то уж хотели использовать труд стариков). Учитывая ограниченные возможности колхозников преклонного возраста, они направлялись на самые легкие работы.

Как правило, уделом пожилых членов коллективных хозяйств становились подсобные работы: доставка на поля горючего, семенного материала, воды, продуктов для колхозников, работающих в бригаде. Нередко старики исполняли обязанности конюхов или воловников, работали сторожами в амбарах, на токах, элеваторах, и пр. В том же очерке И.И. Катаева отмечалось, что пожилым колхозникам лучше всего работать «на подвозке горючего, при лошадях»⁵. В 1930 г. сотрудники Ростовского облсобеса отмечали, что многие из колхозников, находившихся в преклонных годах, трудились в колхозах сторожами. Так, в колхозе

5 Там же. С. 176.

«2-я пятилетка» Егорлыкского района 77-летний колхозник С.И. Бабенко «работал сторожем на эстакаде, охраняя зерно, а до этого работал на кладке саманных хат из расчета 3 трудодня за 1000 [штук] самана, он же кострирует поросят»⁶.

Кроме того, в коллективных хозяйствах были востребованы знания и опыт старых крестьян, накопленные ими за долгие годы труда на земле (сначала в качестве самостоятельных хозяев, а затем – в роли колхозников). В частности, как отмечает В.А. Бондарев, опыт пожилых крестьян понадобился руководству Северо-Кавказского края осенью 1933 г., когда по решению властей в коллективных хозяйствах был создан институт колхозных инспекторов по качеству. Главнейшей обязанностью инспекторов являлось осуществление контроля за качеством сельхозработ, а становились ими, как правило, колхозники преклонных лет (поэтому в документах инспекторы по качеству поэтически именовались также «бригадами старой колхозной гвардии»)⁷.

6 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 74.

7 См.: Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений

Как видим, ведущей тенденцией в советской (в том числе южно-русской) коллективизированной деревне 1930-х гг. являлось максимально полное использование сил, опыта и знаний стариков-хлеборобов в общественном производстве. Причем данная тенденция порождалась не только (иной раз – не столько) расчетами партийно-советских органов власти, но также интересами самих пожилых колхозников, не хотевших отказываться от работы (зачастую речь шла даже не о желании работать, сколько о полном непонимании того, как можно жить и ежедневно не трудиться на земле).

Но, вопреки распоряжениям властей и настроениям самих пожилых крестьян, старость все-таки брала свое. Вне зависимости от их воли и желания, старики теряли трудоспособность, начинали испытывать потребность в помощи и, таким образом, становились клиентами сельских социальных учреждений.

Формы и методы социальной поддержки, которую должны были оказывать престарелым колхозникам кассы общественной взаимопомощи,

деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. – С. 112 – 124.

существенно различались в зависимости от того, есть ли у них родственники и могут ли таковые осуществлять за ними постоянный уход. Работникам КОВК настоятельно рекомендовалось при оказании помощи тем пожилым и престарелым членам коллективных хозяйств, у кого есть живущие рядом родственники, ограничить ее периодической выдачей пособий. Пособия могли выдаваться как в денежной, так и натуральной форме, а их размер устанавливало общее собрание членов каждой конкретной кассы. Одиноким же старикам, не имевшим надежд на опеку родни, КОВК должны были оказывать гораздо более существенную поддержку. Как отмечалось в специальной прессе, «инвалидов и стариков, которые по состоянию здоровья не могут выполнять даже облегченных работ в колхозе и не имеют к тому же близких родственников, обязанных по закону о браке, семье и опеке содержать их», следует «помещать в дома престарелых колхозников, а при отсутствии домов оказывать им материальную помощь и организовать за ними уход (приготовление пищи, стирка белья, отопление помещения и т.п.)»⁸.

О создании специальных фондов для материальной помощи престарелым колхозникам, имевшим родственников, говорилось уже в ходе развертывания коллективизации. Так, в принятом 25 мая 1930 г. постановлении коллегии Северо-Кавказской РКИ о результатах обследования «колхозного строительства» в крае рекомендовалось «создание фондов по обеспечению нетрудоспособных членов семьи колхозников», в том числе стариков⁹.

Правда, в начале 1930-х гг. формировать соответствующие фонды в коллективных хозяйствах было очень проблематично, поскольку урожаи нередко оказывались довольно низкими и, самое главное, сталинский режим изымал у крестьян максимум произведенной продукции, практически ничего не оставляя на нужды социального обеспечения. Эту проблему вскользь затронул И. Катаев в уже цитированном нами очерке о колхозе «Октябрь» кубанской станицы Выселки. Председатель колхоза Сметанин, убеждая пришедшего к нему пожилого колхозника не утруждаться, а перейти на колхозное обеспечение, говорит: «по-

8 Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. – 1941. – № 2. – С. 9.

9 Государственный архив Ростовской области (ГА РО). – Ф. р-1185. – Оп. 3. – Д. 88. – Л. 4.

лучишь свою долю в урожае, какую тебе назначит правление». В ответ на это щедрое обещание старичок, однако, не выказывает радости, а критически замечает: «так он, урожай-то, будет ли, нет ли, неизвестно»¹⁰. О весьма неудовлетворительном материальном снабжении престарелых говорили и участники Северо-Кавказского краевого совещания работников КОВК и собесов в июле 1933 г.: «беспризорные старики не получают продовольственной помощи»¹¹.

На протяжении последующих лет, по мере нараставшего организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, материальное обеспечение престарелых колхозников постепенно улучшилось. Согласно постановлению Наркомсобеса РСФСР от 14 октября 1935 г., кассам общественной взаимопомощи колхозников разрешалось тратить в целях социального обеспечения стариков и инвалидов до 8 % имеющихся средств¹². Эта норма была достаточно высокой, учи-

тывая, что в том же документе предусматривалось расходовать на нужды временно нетрудоспособных колхозников, беспризорных и безнадзорных детей, членов семей красноармейцев, беременных и рожениц, и т.д., от 3 % до 10 % средств колхозных касс взаимопомощи¹³.

Используя возросшие возможности коллективных хозяйств (точнее, увеличение оплаты труда колхозников, ставшее одним из результатов укрепления колхозной системы), КОВК стали отпускать больше средств на нужды пожилых земледельцев Дона, Кубани и Ставрополя. В первой половине 1939 г. кассы взаимопомощи колхозов Орджоникидзевского края потратили на пособия инвалидам и престарелым 180 тыс. руб.¹⁴ В 1940 г. КОВК Ростовской области израсходовали в качестве пособий престарелым колхозникам и инвалидам 359 тыс. руб.¹⁵ Помимо денег, кассы взаимопомощи помогали нуждавшимся старикам продуктами

ССР и РСФСР для сельских советов. – 1936. – Вып. 6. – С. 169.

13 Там же. С. 169 – 170.

14 Гушин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1939. – № 11. – С. 22.

15 Кожин В. 10 лет Ростовских касс взаимопомощи колхозов // Социальное обеспечение. – 1941. – № 4. – С. 23.

10 Катаев И.И. Зелень // Катаев И.И. Хлеб и мысль. – С. 175.

11 ГА РО. – Ф. р-1390. – Оп. 7. – Д. 442. – Л. 77.

12 Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза

питания. Например, в 1938 г. КОВК сельхозартели «Волна революции» Воронцово-Александровского района Орджоникидзевского края помогала престарелым колхозникам, «выдавая им продукты – пшеницу, муку и т.д.»¹⁶.

О примерных размерах помощи пожилым колхозникам можно судить, например, по выдаче пособий кассой взаимопомощи колхоза «Парижская коммуна» Буденовского района Орджоникидзевского края. В 1936 г. и в первой половине 1937 г. эта касса израсходовала на нужды своих членов 24 182 руб., в том числе 9 старикам и инвалидам выдели 1 815 руб.¹⁷ Тем самым в среднем каждому престарелому колхознику выдали денежные средства в размере свыше 200 руб. В советской коллективизированной деревне 1930-х гг. это была не такая уж маленькая сумма! Впрочем, здесь следует принять во внимание тот факт, что более-менее существенную помощь старикам могли оказывать только наиболее развитые и крепкие КОВК. А, к сожалению, далеко не все кассы взаимопомощи Юга России даже

во второй половине 1930-х гг. могли похвастаться мощной материально-финансовой базой, необходимой для оказания потребной поддержки своим нуждавшимся членам.

Помимо КОВК, материальную помощь нуждавшимся старикам оказывали и коллективные хозяйства. Здесь, однако, размеры помощи (да и сам факт ее оказания) также зависели от организационно-хозяйственного состояния каждой конкретной сельхозартели или коммуны. Так, в конце 1930-х гг. в коммуне «Сеятель» Сальского района Ростовской области старики получали «бесплатное питание и другую помощь»¹⁸. Но во многих коллективных хозяйствах положение складывалось совершенно противоположным образом: дефицит средств, халатность и злоупотребления администрации препятствовали обеспечению пожилых и престарелых крестьян.

В общем русле нашего повествования нельзя не упомянуть о своеобразной помощи, оказанной в 1937 г. престарелым колхозникам и единоличникам высшим партийно-советским руководством СССР. Мы

16 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 396. – Оп. 11. – Д. 40. – Л. 167.

17 Киселев В. Работу касс взаимопомощи – на высшую ступень // Социальное обеспечение. – 1937. – № 8. – С. 35.

18 Наш край. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917 – 1965. Ростов н/Д., 1968. – С. 313.

имеем в виду тот факт, что в мае 1937 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста (60 лет и больше) и не имевших трудоспособных родственников¹⁹.

Как видим, в 1937 г. государство помогло престарелым земледельцам, лишенным родственной опеки, тем, что освободило их от налоговых обязательств. Помощь же таким старикам со стороны КОВК являлась более существенной и не ограничивалась только выдачей пособий. В значительной мере концентрация усилий КОВК на одиноких стариках объяснялась тем, что их численность, конечно, была несравнимо меньше, чем количество пожилых и престарелых колхозников, имевших поддержку родственников.

«Беспризорные» старики-колхозники не только получали материальную помощь от КОВК и колхозов. В случае необходимости кассы взаимопомощи могли выделить часть

средств для оплаты ухода за такими стариками непосредственно у них на дому. Скажем, эти деньги могли быть перечислены соседям, присматривавшим за пожилым крестьянином, содержащим его жилье в чистоте, стиравшим его вещи, и т.п. Отдельные же сельские жители преклонных лет могли быть помещены в специальные заведения, именовавшиеся в источниках по-разному: дома престарелых и инвалидов, «дома старчества»²⁰, и т.п. Наиболее же распространенным наименованием таких заведений в 1930-е гг. стало дом престарелых колхозников (ДПК).

ДПК мог быть организован отдельным колхозом, но это отнюдь не являлось правилом. Считалось целесообразным, когда ДПК имели не внутриколхозный, а районный (иногда – межрайонный) социально-правовой статус и рассчитывались на как можно большее количество мест. Так, Наркомсобес РСФСР в октябре 1935 г. наставлял руководителей краевых, областных и районных отделов соцобеспечения: «организацию новых домов [престарелых колхозников], как правило, рекомендовать только район-

19 Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста» от 15 мая 1937 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1937. – № 32. – С. 289.

20 Е.В. Колхозники о кассах взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1935. – № 4. – С. 12.

ного значения и не менее, как на 25 койко-мест, допуская исключение по местным условиям»²¹. Со временем Наркомат соцобеспечения увеличил требуемые размеры ДПК. Согласно принятой 24 августа 1940 г. инструкции НКСО РСФСР, дома престарелых колхозников следовало организовывать, в первую очередь, в районах с наличием КОВК и значительного количества хлеборобов преклонного возраста. ДПК должны были иметь статус районных заведений (создание межрайонных домов допускалось в порядке исключения). Если дом престарелых колхозников действовал в рамках одного района, его минимальная вместимость рассчитывалась на 30–40 мест; если же такой дом являлся межрайонным, в нем должно было планироваться не менее 80–100 мест²².

Южно-российские регионы, по сравнению с другими краями и об-

ластями РСФСР, отличались высокой численностью ДПК. В прессе упоминалось, что в 1937 г. из 82 домов престарелых колхозников, имевшихся в Советской России, 14 располагались на территории Орджоникидзевского края²³ (к этим четырнадцати домам можно добавить еще не менее десяти таких же заведений, имевшихся в том же году на Дону и Кубани).

В 1939 г. в Орджоникидзевском крае по-прежнему насчитывалось 14 ДПК с контингентом 213 чел.²⁴ В 1940 г. численность домов престарелых колхозников в Орджоникидзевском крае достигла 15, а их общая вместимость составляла 367 койко-мест²⁵. На втором месте по численности ДПК на Юге России шел Краснодарский край. В 1940 г. здесь существовало 8 домов престарелых колхозников общей вместимостью 153 койко-места²⁶. В 1941 г. в Краснодарском крае нали-

21 Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. – 1936. – Вып. 6. – С. 169.

22 Инструкция НКСО РСФСР «Организация и содержание домов престарелых колхозников и колхозниц» от 24 августа 1940 г. // Социальное обеспечение. – 1940. – № 10. С. – 30.

23 Платонов П. Поднять работу касс взаимопомощи колхозов на уровень требований Сталинской Конституции // Социальное обеспечение. – 1938. – № 2. – С. 51.

24 Гушин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1939. – № 11. – С. 22.

25 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22.

26 Там же. Л. 13.

чувствовали уже 10 ДПК на 176 койко-мест²⁷. В Ростовской же области в 1940 г. имелось всего 5 домов престарелых колхозников, рассчитанных на 100 койко-мест²⁸.

Практически все ДПК Дона, Кубани и Ставрополя имели статус районных заведений, вмещавших 20–30 пожилых крестьян. Довольно высокий статус, впрочем, не означал, что дома престарелых колхозников располагались в каких-либо специализированных помещениях, имели соответствующее оборудование и пр. В колхозной деревне 1930-х гг. все было гораздо проще и дешевле. В частности, КОВК и коллективные хозяйства, как правило, предпочитали не строить для ДПК новые помещения, а располагать их в обычных сельских жилищах, каковыми на Юге России традиционно являлись глинобитные или саманные хаты на две – три комнаты. В 1940 г., например, касса общественной взаимопомощи сельхозартели «Красная гвардия» Кагальницкого района Ростовской области «купила для безродных и нетрудоспособных колхозников-стариков дом, оборудовала его, и живут в этом

доме старики, находя уют, покой, сытую и культурную жизнь»²⁹. Разумеется, КОВК покупала не только дом, но и подворье с хозяйственными постройками, которые могли пригодиться в повседневной жизни новообразованного ДПК. Как отмечали сотрудники Орджоникидзевского крайсобеса в начале 1941 г., «все дома старости имеют вполне пригодные помещения для обеспечиваемых, необходимые надворные постройки и бани»³⁰.

Понятно, что вместимость обычных крестьянских жилищ не могла быть высокой. Подчеркивая данное обстоятельство, сотрудники Краснодарского крайсобеса в начале 1941 г. характеризовали ДПК следующим образом: «помещения, занимаемые обеспечиваемыми, находятся в хорошем санитарном состоянии, но постройки сами по себе не вполне удовлетворяют, т. к. они в большинстве случаев являются бывшими жилыми домами – малых размеров»³¹. О том же свидетельствовали работники Ростовского облсобеса: «сами по себе Дома маленькие по жилой площади,

27 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 7.

28 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 90об.

29 Кожин В. 10 лет Ростовских касс взаимопомощи колхозов // Социальное обеспечение. – 1941. – № 4. – С. 23.

30 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 19.

31 Там же. Л. 7об.

крестьянского типа, не приспособленные и не поддающиеся нужному переоборудованию»³².

Расширение ДПК достигалось путем постройки новых помещений, «как жилых, так и служб (кухни, бани-прачешные, столовые, кладовые)»³³, а также приобретением близко расположенных домов и хозяйственных построек. Учитывая подобную практику расширения домов престарелых колхозников, нередко случалось так, что обеспечиваемые в них старики размещались в 2–3 близлежащих помещениях³⁴. Поэтому, например, 15 ДПК Орджоникидзевского края в 1941 г. располагались не в 15 же, а в 24 жилых домах³⁵.

Численность обслуживающего персонала в домах престарелых колхозников была невелика. Как правило, штат ДПК состоял из заведующего, счетовода (чаще всего в «доме старости» таковым работал по совместительству колхозный счетовод или бухгалтер), кухарки («она же выпекает хлеб»), прачки (она же выполняла обязанности уборщицы), конюха, «а

там, где подсобное сельское хозяйство хорошо развито, то двух человек – один конюх и один скотник». Иногда в документах упоминается еще такой представитель обслуживающего персонала ДПК, как пчеловод³⁶. Что же касается сиделок, то о них в источниках практически нет упоминаний. Вместо этого лаконично указывается, что «обязанности по обслуживанию обеспечиваемых выполняют сами же обеспечиваемые»³⁷ (иными словами, те из стариков, кто был пободрее, ухаживали за своими сотоварищами). Подчеркнем, что нередко штат тех или иных ДПК ужимался до минимальных пределов, ограничиваясь заведующим (куда же без него!), кухаркой или прачкой, конюхом. Не были запредельными и расходы на оплату персонала. В 1941 г. в домах престарелых колхозников Орджоникидзевского края на эти цели ушло 14,34 % средств³⁸.

Быт клиентов ДПК оставался по-крестьянски прост и неприхотлив. В каждом доме имелся необходимый минимум инвентаря. Так, в 1941 г. в 15 домах престарелых колхозников

32 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 90об.

33 Там же. Л. 90об.

34 Там же. Л. 7об.

35 Там же. Л. 22об.

36 Там же. Л. 22об.

37 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 7об.

38 Там же. Л. 19.

Орджоникидзевского края (общей вместимостью свыше 400 койко-мест) имелось: 291 железная кровать на сетках, 114 столов, 105 стульев, 171 табурет, 248 зимних одеял, 112 летних одеял, 282 матраца, 375 простынь³⁹. Не все ДПК в крае имели свои столовые: таковых насчитывалось только 13. Бани тоже существовали не во всех домах престарелых, а лишь в девяти из них⁴⁰. В случае необходимости на помощь приходили колхозы, предоставлявшие в пользование ДПК свои столовые и бани. Поэтому, несмотря на недостаток соответствующих хозяйственных служб, сотрудники Орджоникидзевского крайсобеса утверждали, что «каждую десятидневку опекаемых [в ДПК] моют в бане и производят смелу белья»⁴¹.

«Медицинское обслуживание подопечных», как сообщали работники Ростовского облсобеса, «осуществляется путем вызова врачей или лекпомов⁴² по мере надобности. Периодиче-

39 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Лл. 22об.

40 Там же. Л. 22об.

41 Там же. Л. 22об.

42 Лекпом – сокращение от словосочетания «лекарский помощник»; человек, имеющий незавершенное медицинское образование и/или элементарные медицинские навыки, как правило, по статусу ниже медицинского фельдше-

ски дома посещаются саннадзором»⁴³. Что касается культурного обслуживания стариков, то оно осуществлялось «непосредственно Зав. домами с привлечением к этому делу грамотных обеспечиваемых» и выражалось «в чтке газет и журналов» («в каждом доме выписываются газеты, журналы, имеются книги», «проводятся читки газет и политбеседы»⁴⁴). Кроме того, отмечалось, что «в большинстве домов имеются радиоустановки»⁴⁵, а в некоторых – патефоны с пластинками и т.п.⁴⁶

Соцработники заботились и о противопожарной безопасности клиентов ДПК (столь актуальной в наши дни), хотя, опять-таки, ее уровень соответствовал представлениям того времени. По бесхитростным призна-

---

ра. Появились в Российской империи с 1720 г. Особенно широко распространилась эта профессиональная группа с конца Первой мировой войны. В 1920-е–1930-е гг. они сохранялись в силу нехватки медицинских работников на селе. Образ лекпомов замечательно прописал Николай Олейников:

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка почтовая».

43 Там же. Л. 90.

44 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 7об, 19.

45 Там же. Л. 7об.

46 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 90.

ниям служащих все того же Ростовского облсобеса, «в противопожарном отношении ДПК имеют огнетушители и кадки с водой, а при них ведра»⁴⁷.

Качество обеспечения пожилых и престарелых крестьян в ДПК разнилось в зависимости от заботливости, энергии и деловой хватки их заведующих, работников КОВК и колхозов, от состояния материально-финансовой базы касс взаимопомощи и коллективных хозяйств и, конечно, от степени активности жизненной позиции самих опекаемых. Многие старики были довольны условиями пребывания в своих приютах; во всяком случае, об этом постоянно напоминала советская пресса и представители клиентуры ДПК, выступавшие на разного рода официальных форумах. Так, на проходившем осенью 1939 г. при Орджоникидзевском крайсобесе совещании руководителей ДПК инвалид из Либкнехтовского района Белецкий «от имени престарелых и инвалидов просил передать сердечную благодарность великому вождю и мудрому учителю товарищу Сталину за счастливую, радостную жизнь, за обеспеченную старость»⁴⁸.

47 Там же. Л. 90об.

48 Гущин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи //

Однако в реальности у пожилых и престарелых колхозников существовало не так много поводов для радости вследствие неудовлетворительного организационно-хозяйственного состояния ДПК и целого ряда недостатков и упущений в их деятельности. По признаниям работников ЦК КОВК РСФСР, в 1937 г. в ряде краев и областей России дома престарелых колхозников находились «еще в неудовлетворительном состоянии»⁴⁹. Перечень основных недостатков, характерных для состояния и функционирования колхозных «домов старости», выглядел следующим образом: «помещения не отвечают санитарным требованиям, носильного и постельного белья не хватает, медицинское обслуживание недостаточное», а руководители отделов соцобеспечения «не интересуются этими учреждениями, не оказывают им помощь, не помогают в подборе работников для них (особенно заведующих)»⁵⁰.

На протяжении последующих лет недостатки состояния и функционирования «домов старчества»

Социальное обеспечение. – 1939. – № 11. – С. 22.

49 Киселев В. Кассы взаимопомощи колхозов в 1937 году // Социальное обеспечение. – 1937. – № 4. – С. 59.

50 Там же. С. 59.

Ростовской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев оставались все такими же. В 1940 – 1941 гг. сотрудники отделов соцобеспечения Юга России констатировали «недостаточное внимание некоторых районных руководящих организаций к деятельности ДПК», «отсутствие планового снабжения ДПК твердым и мягким инвентарем (особенно кухонной посудой, бельем, одеждой, обувью) и необходимыми продуктами, как сахар, мыло, соль, спички», «очень слабое снабжение опекаемых ДПК верхней одеждой (фуфайки, брюки, платья и нательное белье)», отсутствие в некоторых домах бань, красных уголков, радиоточек⁵¹.

Судя по содержанию источников, наиболее часто (если не сказать, перманентно) «дома старости» Дона, Кубани и Ставрополя сталкивались с такой проблемой, как острая нехватка постельных принадлежностей, носильных вещей, обуви, предметов быта. Социальные работники, да и сами заведующие, и клиенты домов престарелых колхозников постоянно жаловались на то, что «неудовлетворительно обстоит вопрос в снабжении ДПК обмундированием, обувью, по-

стельными [принадлежностями] и нательным бельем», «одеяла в большинстве своем изношенные. Не хватает нательного белья, верхней одежды и обуви»⁵². Так, в 1940 г. в ДПК Краснодарского края (их тогда насчитывалось 8) побывали ревизоры, установившие, что во всех домах, за исключением одного, «ощущается недостаток в обуви, одежде, постельных принадлежностях и верхней одежде»⁵³.

Дефицит одежды и инвентаря сильно беспокоил работников КОВК и собесов, поскольку, помимо прочего, препятствовал не только расширению ДПК, но и заполнению их клиентурой до установленных норм. Так, в 1940 г. в 14 домах престарелых колхозников Орджоникидзевского края имелось 367 койко-мест, но, в значительной мере из-за нехватки постельных принадлежностей, численность опекаемых составляла только 244 человек⁵⁴. В «домах старости» Краснодарского края в 1941 г. формально насчитывалось 180 койко-мест. Но из-за нехватки белья и матрацев фактическая численность койко-мест равнялась 176,

52 ГА РФ. – Ф. А-413, оп. 1, д. 229, л. 7об, 17.

53 ГА РФ, ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 13.

54 Там же. Л. 22.

51 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 23; Д. 229. – Л. 20.

причем, по тем же причинам, не все они были заполнены клиентами⁵⁵.

Нельзя сказать, что сотрудники собесов и КОВК сидели, сложа руки, не пытаясь бороться с недостатками функционирования ДПК или злоупотреблениями некоторых их руководителей и обслуживающего персонала. Так, работники сектора КОВК Краснодарского крайсобеса в 1941 г. обследовали положение 8 «домов старости», причем «во время обследования в каждом доме было проведено общее собрание обеспечиваемых, на котором выяснялись имеющиеся те или другие недостатки деятельности данного дома и принимались меры для изжития этих недостатков»⁵⁶. Однако эти меры не могли радикально улучшить положение в ДПК.

Остается осветить специфику финансирования домов престарелых колхозников в третьем десятилетии XX в., в том числе на Юге России. Сразу отметим, что данные социальные заведения коллективизированной деревни имели несколько источников средств, к числу которых относились: денежные поступления из бюджетных средств органов соцобеспечения,

перечислявшиеся в «дома старости» для содержания тех безнадзорных стариков, которые жили в деревне, но не являлись колхозниками; деньги и продукты из фондов касс общественной взаимопомощи колхозников; отчисления из колхозов; доходы от подсобных хозяйств, имевшихся при тех или иных домах престарелых колхозников (это могли быть как продукты, так и вырученные от их продажи деньги); взысканные задолженности по договорам с КОВК и собесами, заключенным в минувшие годы.

Тот факт, что в домах престарелых колхозников содержались еще и не члены коллективных хозяйств, может показаться странным и вызвать удивление. На самом деле ничего странного в этом не было. Значительная часть жителей коллективизированной деревни Юга России 1930-х гг. трудилась не в колхозах, а в административных учреждениях, в совхозах, на различных местных предприятиях (мельницах, пекарнях, кирпичных и черепичных заводах, и пр.), на проходивших через села и станицы, железных дорогах, и т.п. Служащие или рабочие совхозов и расположенных в сельской местности предприятий обладали более высоким социальным статусом, чем члены коллективных

55 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 11об.

56 Там же. Л. 19.

хозяйств. Однако когда возникал вопрос о социальном обслуживании одиноких инвалидов или стариков из числа рабочих и служащих, то в качестве специальных заведений, которые могли бы их принять и обогреть, оставались, как правило, только ДПК.

Общая численность стариков, содержащихся в южно-российских ДПК, но не являвшихся колхозниками, была, вопреки ожиданию, довольно-таки высокой. Так, в 1940 г. в ДПК Орджоникидзевского края насчитывалось 244 опекаемых (в том числе 88 мужчин и 156 женщин, – эти печальные гендерные диспропорции, свидетельствовавшие о большей продолжительности жизни у женщин, были характерны также для многих «домов старчества» Дона и Кубани). Из этих 244 клиентов ставропольских ДПК 161 человек содержался за счет КОВК, а 83 (34 %) – за счет крайсобеса⁵⁷. В 1941 г. из 292 клиентов домов престарелых колхозников Орджоникидзевского края за счет КОВК содержались 167 человек, за счет крайсобеса – 125 (42,8 %) ⁵⁸.

57 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22.

58 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17.

Соответственно, не являлись мизерными и поступления в ДПК от органов соцобеспечения. В 1940 г. Орджоникидзевский крайсобес перечислил в счет неколхозников, содержащихся в «домах старости», 135 315 руб., что составляло 23 % от общих доходов ДПК, оценивавшихся солидной суммой 587 503 руб.⁵⁹ В 1941 г. удельный вес дотаций от крайсобеса равнялся 23,4 % всей приходной части домов престарелых колхозников Орджоникидзевского края, выражаясь в сумме 149 084 руб.⁶⁰

Но, сколь бы ни были значительны поступления в ДПК от собесов, они все-таки уступали отчислениям касс взаимопомощи. В постановлении Наркомсобеса РСФСР от 14 октября 1935 г. говорилось, что КОВК могут выделять на ДПК в среднем 7 % своих доходов: «из этих средств кассы покрывают содержание инвалидов и престарелых в существующих домах, а также организуют новые дома престарелых»⁶¹. Причем, поскольку

59 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22.

60 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17.

61 Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза

дома престарелых колхозников имели статус заведений районного значения, то, как правило, средства на их содержание собирались «со всех касс, независимо от того, обслуживает ли [каждый конкретный] дом членов данной кассы или нет»⁶². Данное обстоятельство, впрочем, не препятствовало отдельным КОВК направлять целевые дотации на содержание в «домах старости» тех пожилых колхозников, которые являлись их членами. Так поступала, например, в 1936 – 1937 гг. касса общественной взаимопомощи сельхозартели «Парижская коммуна» Буденовского района Орджоникидзевского края, на свои средства содержавшая в ДПК 4 стариков⁶³.

В 1940 г. средние годовые расходы касс взаимопомощи колхозников Орджоникидзевского края на содержание в ДПК одного престарелого крестьянина выражались довольно значительной суммой в 1 650 руб.⁶⁴ В целом, в том же году КОВК Ор-

джоникидзевского края перечислили в «дома старости» 199 305 руб., что составляло 33,9 % от общих доходов ДПК⁶⁵. В 1941 г. дотации ставропольских КОВК в пользу ДПК составили 32,7 % доходов последних⁶⁶. Тогда же в Ростовской области, где контингент «домов старости» состоял почти исключительно из колхозников, отчисления из фондов касс взаимопомощи представляли собой ведущую статью финансирования ДПК, составляя 72 % их средств⁶⁷.

Что касается коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя, то они, как правило, выделяли в пользу клиентов «домов старчества» продукты питания, делая это либо напрямую, либо при посредничестве КОВК. Если экономическое состояние того или иного южно-российского колхоза было на высоте, его руководство могло буквально завалить престарелых колхозников хлебом, овощами и фруктами. Такого рода помощь оказывалась весьма важной для домов престарелых колхозников, составляя львиную долю их натуральных фондов. Напро-

---

ССР и РСФСР для сельских советов. – 1936. – Вып. 6. – С. 169.

62 Киселев В.. Кассы взаимопомощи колхозов в 1937 году // Социальное обеспечение. – 1937. – № 4. – С. 59.

63 Киселев В. Работу касс взаимопомощи – на высшую ступень // Социальное обеспечение. – 1937. – № 8. – С. 35.

64 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 225. – Л. 42.

65 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22.

66 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17..

67 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 88об.

тив, слабые колхозы выдавали ДПК предельный минимум продуктов (то же самое, впрочем, наблюдалось и в мощных хозяйствах, администрация которых пренебрегала нуждами престарелых колхозников). Так, на III Аксайской районной партконференции 27 февраля 1940 г. говорилось «о ненормальном отношении к дому престарелых колхозников со стороны председателей колхозов – коммунистов», которые «не отпускают продукты для престарелых колхозников»⁶⁸.

Наконец, немаловажным источником доходов домов престарелых колхозников являлось их подсобное хозяйство. Собственные полевые участки и огороды приносили ДПК не только продукты питания, но и деньги, получаемые путем реализации части урожая на сельских и городских рынках. Однако, когда речь заходит о состоянии и функционировании подсобных хозяйств «домов старости» Юга России, необходимо указать на четко выраженную региональную специфику. Степень развития и доходность подсобных хозяйств донских, кубанских и ставропольских ДПК заметно различались.

68 Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 37.

Наибольших успехов добились «дома старости» Орджоникидзевского края, подсобные хозяйства которых являлись настоящими передовиками по своим размерам, производственному потенциалу и доходности. В 1940 г. из 14 ДПК Орджоникидзевского края у 13 домов имелись «свои небольшие пригородные хозяйства»⁶⁹. На самом деле эти хозяйства не являлись такими уж маленькими. В целом, в 1940 г. ставропольские «дома старости» имели 7,37 га фруктовых садов и виноградников и 122 га пахотной земли; то есть, если на каждый ДПК приходилось немногим более 0,5 га садов и виноградников, то пашни у них было с избытком – свыше 9,3 га! «Для обработки земельных участков», докладывали заведующие приютов для престарелых колхозников, «имеется надлежащий конный и ручной инвентарь»: 6 косилок, 9 культиваторов, 10 плугов, 15 борон, 28 бричек на железном ходу. Кроме того, при ДПК Орджоникидзевского края содержались 43 лошади, 32 коровы (и еще 12 телят), 35 свиней, 98 овец, 407 кур и гусей, 141 пчелосемья⁷⁰.

69 Гущин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1939. – № 11. – С. 22.

70 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22; Д. 229. – Л. 18.

В 1941 г. площадь садов и виноградников по ДПК Орджоникидзевского края уменьшилась с 7,37 га до 4,97 га, зато значительно увеличилась площадь пашни (с 122 га до 170,5 га); кроме того, в источниках было зафиксировано еще 84,5 га сенокоса. Увеличилось и поголовье скота, причем по всем категориям: теперь в подсобных хозяйствах насчитывалось 50 лошадей, 42 коровы (в том числе 32 дойных), 40 свиней (из них 7 свиноматок), 311 овец (из них 256 овцематок), 690 «курей и гусей» (616 несушек), 146 пчелосемей⁷¹. В том же году при ДПК были учтены 25 сараев и 10 амбаров⁷², жизненно необходимых при столь развитом подсобном хозяйстве.

Более того, в начале 1940-х гг. при домах престарелых колхозников Орджоникидзевского края были зафиксированы даже «подсобные кустарные предприятия: 1 паром через реку Кубань, 1 бурочная мастерская по производству ноговиц, 1 сапожно-починочная мастерская и 1 парикмахерская»⁷³. Без преувеличения можно сказать, что подсобные хозяй-

ства ставропольских «домов старчества» далеко выходили за рамки собственного статуса, представляя собой некоторым образом миниколхозы.

Учитывая высокую степень развития подсобных хозяйств домов престарелых колхозников Орджоникидзевского края, нет ничего удивительного в том, что они превратились в основной источник обеспечения стариков как продуктами питания, так и денежными средствами. Как отмечали сотрудники Орджоникидзевского крайсобеса, «подсобное сельское хозяйство, полеводство, огородничество и животноводство является основным источником снабжения обеспечиваемых ДПК продуктами питания (хлеб, крупа, овощи, молочные и мясные продукты, яйца)»⁷⁴, и лишь в тех немногих «домах старости», где «подсобное хозяйство еще слабо поставлено», приходится «продукты покупать в колхозе или на рынке»⁷⁵. В 1940 г. ДПК Орджоникидзевского края получили от подсобных хозяйств 252 883 руб., или 43 % от общих доходов⁷⁶, – заметно больше, чем от собесов или даже КОВК! В

71 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17, 18.

72 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22об.

73 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 18.

74 Там же. Л. 17.

75 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22об.

76 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22.

1941 г. у домов престарелых колхозников Орджоникидзевского края появилось 231 728 руб. «чистой прибыли, полученной от подсобного хозяйства» (около 41 % общих доходов)⁷⁷.

Производственные достижения подсобных хозяйств «домов старчества» Орджоникидзевского края будут вызывать еще большее восхищение и уважение, если принять во внимание тот неоспоримый факт, что основные обязанности по обработке этих хозяйств возлагались на самих престарелых колхозников! Конечно, тяжелые полевые работы (пахоту, сев, и т.п.) в подсобных хозяйствах выполняли трудоспособные колхозники по распоряжению колхозных правлений. Но, дальнейшие работы по хозяйству выполняли сами клиенты ДПК. Сотрудники Орджоникидзевского крайисобеса констатировали, что «в трудовых процессах участвуют также обеспечиваемые, за исключением лежаче-больных»⁷⁸. В 1941 г. «по подсобному сельскому хозяйству и кустарным мастерским участвовало в трудовых процессах 134 человека обеспечиваемых (то есть около 46 % от их общего количества – Т.С.). Не участво-

вали только те обеспечиваемые, которые по своему физическому состоянию (лежачие-парализованные, слепые) не могут участвовать в труде»⁷⁹.

Тот факт, что основные заботы о подсобном хозяйстве ложились на самих престарелых колхозников Орджоникидзевского края (впрочем, такое же положение наблюдалось на Дону и на Кубани) вызывает двойственную реакцию. С одной стороны, нельзя не поразиться трудолюбием сельских тружеников, умевших результативно работать даже в преклонном возрасте. С другой стороны, становится просто стыдно за власть, не способную (или не желавшую) гарантировать постаревшим и лишившимся былых сил земледельцам спокойную обеспеченную старость.

Развитые подсобные хозяйства имели и многие кубанские дома престарелых колхозников. В 1940 г. они располагали следующими угодьями: 32 га пашни, 23,5 га сенокосов, 18 га садов и огородов, 19,5 га виноградников, а также при них содержалось 32 лошади, 22 коровы, 32 овцы, 34 пчелосемьи⁸⁰. Однако в 1941 г. выявилась четкая тенденция сокращения подсобных хозяйств ДПК Краснодарского

77 Рассчитано по: ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17.

78 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 17об.

79 Там же. Л. 18.

80 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116 – Л. 13.

края. Если в 1940 г. у них было 93 га земли, то в 1941 г. – 80 га (из них 13,5 га под пшеницей, 14 га – под ячменем, 8 – под кукурузой и т.д.). Количество лошадей сократилось с 32 до 23 (по другим данным до 24), овец – с 32 до 27, пчелосемей – с 34 до 25. Правда, численность коров почти не изменилась: 21 корова при 11 телятах. Были также зафиксированы 3 быка, 10 свиней, 41 гусь, 89 уток и 342 курицы⁸¹.

По свидетельству работников Краснодарского краевого отдела соцобеспечения, в 1941 г. только 4 из 10 кубанских домов престарелых колхозников имели собственные «подсобные хозяйства, которые вполне обеспечивают потребность» стариков в продуктах питания. Лучшими домами, «в которых хорошо поставлено подсобное хозяйство», являлись Ново-Щербиновский, Приморско-Ахтарский и Медведовский. Здесь, как отмечалось в документах, старики получают в потребных количествах «хлеб, крупы, овощи, молоко и мясом обеспечиваются от своего подсобного хозяйства (откорм свиней)». Однако в других ДПК наличествовало лишь от 0,75 га до 2 га приусадебной земли, так как в них содержалось лишь 8 – 10 человек, не

имевших возможности обработать более значительные площади⁸².

Хуже всего обстояли дела с подсобными хозяйствами в ДПК Ростовской области, где таковые были либо незначительны, либо же отсутствовали вовсе. В качестве основной причины подобных явлений сотрудники Ростовского облсобеса указывали на неукомплектованность ДПК подопечными, «в связи с чем нет нужного контингента для самообслуживания более широкого хозяйства. Имеющийся контингент чрезмерно дряхл для полевых работ», да и работа с землеустройством проходила медленно⁸³. «Трудовые процессы в ДПК сводятся пока к самообслуживанию домового и дворового хозяйства», констатировали донские соцработники, «по Аксайскому [«дому старости»] – сада и огорода и по Целинскому – приусадебного огорода»⁸⁴. Соответственно, доходы домов престарелых колхозников Ростовской области от подсобных хозяйств были мизерны, составляя лишь 6 700 руб., или 5,7 % от общего количества средств⁸⁵.

---

82 Там же. Л. 7.

83 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 90об.

84 Там же. Л. 90об.

85 Там же. Л. 88об.

---

81 ГА РФ. – Ф. А-413. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 7, 11.

Итак, в 1930-х гг. основными методами социальной помощи пожилым и престарелым членам коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополья являлись выдача им денежных и натуральных пособий из средств КОВК и помещение одиноких стариков в соответствующие приюты, чаще всего называвшиеся домами престарелых колхозников. Вместе с тем, работники сельских социальных учреждений должны были помнить о необходимости экономии средств, а также о том,

что в колхозах отсутствовало понятие «пенсионный возраст» и не препятствовать использованию труда пожилых крестьян в сфере общественного производства как можно дольше. Подобные условия обеспечения старости колхозников лежали в общем русле социальной политики сталинского режима в коллективизированной деревне, нацеленной на перераспределение сельскохозяйственной продукции в пользу государства при игнорировании нужд рядовых производителей.

Список литературных источников

1. 50 лет Советского социального обеспечения: Материалы конференции. – М.: Наука, 1968. – 177 с.
2. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. – 520 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
5. Григорьев В.С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921 – 1941 гг.): дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – 586 с.
6. Гуцин Н. За дальнейшее улучшение работы касс колхозной взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1939. – № 11. – С. 22.
7. Еферица Т.В. Факторы социальных рисков и модели социальной поддержки крестьянства (вторая половина XIX – конец XX вв.): дис. ... докт. ист. наук. – Саранск, 2004. – 500 с.
8. Инструкция НКСО РСФСР «Организация и содержание домов престарелых колхозников и колхозниц» от 24 августа 1940 г. // Социальное обеспечение. – 1940. – № 10. – С. 30.

9. Катаев И. И. Хлеб и мысль: повести, рассказы, очерки. – Л.: Лениздат, 1983. – 366 с.
10. Киселев В. Кассы взаимопомощи колхозов в 1937 году // Социальное обеспечение. – 1937. – № 4. – С. 59.
11. Киселев В. Работу касс взаимопомощи – на высшую ступень // Социальное обеспечение. – 1937. – № 8. – С. 35.
12. Кожин В. 10 лет Ростовских касс взаимопомощи колхозов // Социальное обеспечение. – 1941. – № 4. – С. 23.
13. Конституция (Основной закон) Союза советских социалистических республик // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. – 1936. – Вып. 23. – С. 691.
14. Лысыков Е.А. История развития крестьянской взаимопомощи: Лекции для низовых работников касс взаимопомощи в колхозах. – М., 1934.
15. Наш край. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917 – 1965. – Ростов н/Д., 1968. – С. 313.
16. Николаев П. Помощь престарелым и больным колхозникам // Социальное обеспечение. – 1941. – № 2. – С. 9.
17. Платонов П. Поднять работу касс взаимопомощи колхозов на уровень требований Сталинской Конституции // Социальное обеспечение. – 1938. – № 2. – С. 51.
18. Постановление Наркомсобеса РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» от 14 октября 1935 г. // Сокращенное собрание законов Союза ССР и РСФСР для сельских советов. – 1936. – Вып. 6. – С. 169.
19. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об освобождении от уплаты денежных налогов и сборов колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста» от 15 мая 1937 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1937. – № 32. – С. 289.
20. Романов П.В. Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд. Советская социальная политика, 1920 – 1940-е гг. // Повседневный мир советского человека 1920 – 1940 х гг. Сб. науч. статей. – Ростов н/Д., 2009. – С. 43–59.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

22. Советская социальная политика 1920 – 1930-х годов: идеология и повседневность. Сб. статей / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. – 432 с.
23. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО).
24. Е.В. Колхозники о кассах взаимопомощи // Социальное обеспечение. – 1935. – № 4. – С. 12.

Информация об авторе

Самсоненко Татьяна Александровна; кандидат исторических наук; доцент кафедры управления и технологий в туризме и сервисе Сочинского государственного университета; e-mail: Samsonenko1962@mail.ru

Samsonenko Tatyana Aleksandrovna

Old persons and old age in everyday life of kolkhoz 1930. (on materials of Don, Kuban and Stavropol)

Abstract

The article reveals little-studied problem in Russian historiography of the socio-economic conditions of elderly farmers in the historical period of collectivization. On materials of Southern Russia archives the paper deals with questions of social support of older generations of collective farm villages, the allocation of cash and in-kind benefits, the organization of specialized social institutions and ensure their effective functioning.

Keywords

Cash benefits, nursing home farmers, public mutual fund farmers, night's lodging, natural benefits, households, elderly and old farmers, social support.

Bibliography

1. 50 years of the Soviet welfare: Proceedings of the conference. – Moscow: Nauka, 1968. – 177 p.
2. Bondarev V.A. The peasantry and the collectivization: multi-structural socio-economic relations in the village areas of Don, Kuban and Stavropol territory in the late 20s – 30s of XX century. – Rostov-on-Don: SKNTS HS, 2006. – 520 p.
3. State Archive of Russian Federation (SARF).
4. State Archive of Rostov Oblast (SARO).
5. Grigor'ev V.S. The organization of public mutual support of Russian peasantry (1921 – 1941): Doctor of History dissertation. – Moscow, 1997. – 586 p.
6. Gushchin N. For further improvement of the collective farm mutual banks // Sotsial'noe obespechenie. – 1939. – № 11. – P. 22.
7. Eferina T.V. Factors of social risks and models of social support of the peasantry (the second half of XIX – end of XX centuries): Doctor of History dissertation. – Saransk, 2004. – 500 p.
8. CNSS RSFSR Instruction «Organization and maintenance of nursing homes and women collective farmers» from August 24, 1940 // Sotsial'noe obespechenie. – 1940. – № 10. – P. 30.
9. Kataev I. I. Bread and thought: Novels, short stories, essays. – Leningrad: Lenizdat, 1983. – 366 p.
10. Kiselev V. Mutual support fund of collective farms in 1937 // Sotsial'noe obespechenie. – 1937. – № 4. – P. 59.
11. Kiselev V. Bringing of functioning of mutual support funds to a higher level // Sotsial'noe obespechenie. – 1937. – № 8. – P. 35.
12. Kozhin V. 10 yearsc of old Rostov mutual support funds of collective farms // Sotsial'noe obespechenie. – 1941. – № 4. – S. 23.
13. The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics // Short Collection of Laws of the USSR and the RSFSR for rural councils. – 1936. – Vol. 23. – P. 691.
14. Lysikov E.A. History of peasant mutual support funds: Lectures for grass-roots workers in collective mutual support funds. – Moccow, 1934.

15. Our land. From the history of Soviet Don. Documents. October 1917 – 1965. – Rostov-on-Don, 1968. P. 313.
16. Nikolaev P. Help for the elderly and the sick collective farmers // Sotsial'noe obespechenie. – 1941. – № 2. – P. 9.
17. Platonov P. To raise work of collective mutual support funds at the level of the requirements of the Stalin Constitution // Sotsial'noe obespechenie. – 1938. – № 2. – P. 51.
18. Resolution of RSFSR Narkomsobes «On the directives for the construction plans of mutual support funds in the collective farms in 1936» from October 14, 1935 // Short Collection of Laws of the USSR and the RSFSR for rural councils. – 1936. – Vol. 6. – P. 169.
- 19 Resolution of the CPSU (b) and SNK «On the exemption of taxes and charges of money farmers and individual farmers, unable to work due to old age» on May 15, 1937 // Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of USSR. – 1937. – № 32. – P. 289.
20. Romanov P.V. A person always has the right to drill, and the rest to work. Soviet social policy, 1920–1940's. // Casual world of a Soviet man in 1920–1940's. Collection of scientific articles. – Rostov-on-D., 2009. P. 43–59.
21. Russian State Archive of Economy (RSAE).
22. Soviet social policy of 1920–1930's: ideology and everyday life. Collection of articles / Ed. by P. Romanov and E.V. Smirnova-Yarskaya. – Moscow: Variant, TsSPGI, 2007. – 432 p.
23. Documentation centre of the modern history of Rostov region (DCMH RR).
24. E.V. The collective farmers about mutual support funds // Sotsial'noe obespechenie. – 1935. – № 4. – P. 12.

Author's data

Samsonenko Tatyana Aleksandrovna; PhD (History); associate professor of Management and Technology of Tourism and Service Department at Sochi State University; e-mail: Samsonenko1962@mail.ru